

Впрочем, не только моё место было особенным — вся боковая стена учительской представляла собой сплошное окно. Окна начинались где-то на уровне пояса и уходили почти под самый потолок.

Благодаря им, мягкий свет, заливавший помещение, стал второй причиной, по которой я так любил свой стол.

Конечно, так думал не я один, и подоконники в учительской стали излюбленным местом для послеобеденного кофе. Во время обеденного перерыва учителя то и дело собирались группками у ближайшего окна.

Мой сонбэ, попивая что-то из белой кружки, вдруг широко помахал кому-то на улице. В ответ на это шум и крики, доносившиеся со спортивной площадки, стали ещё громче.

С его губ сорвался смешок. Ха. Ха. Ха. Не обычный смех, а какой-то странный, с нарочитыми паузами.

— Иногда смотришь на них и думаешь: они вообще помнят, что они выпускники и им к экзаменам готовиться?

Сонбэ опёрся на оконную раму и отвернулся так, чтобы с площадки его не было видно, после чего тяжело вздохнул.

За окном не умолкало: «Учитель, учитель!». Судя по всему, на баскетбольной площадке хозяйничали ребята из 5-го класса. А за этим «Учитель, учитель!» явно читалось: «Учитель, мы ведь молодцы, правда? Учитель, ну разве мы не прелесть?».

— Это же тренировка к спортфестивалю. Они выпускники, последний год в школе, будьте к ним снисходительнее, учи-итель.

— Эти оболтусы на пробном экзамене и глазом не повели, неужели они и впрямь могут за ум взяться?

Вокруг моего сонбэ стали собираться учителя с кружками и термосами, в которых наверняка был кофе. Благодаря тому, что они тоже смотрели в окно и обменивались репликами, мне удалось незаметно проскользнуть между ними и урвать себе местечко рядом с ним.

— О-о-о!

И тут это случилось. Баскетбольный мяч, который до этого кружил у противоположного конца площадки, после стремительного дриблинга взмыл в воздух и с силой влетел в кольцо, заставив сетку яростно затрястись. Мяч, приковавший к себе всеобщее внимание, гулко ударился о землю и высоко подпрыгнул.

Только тогда герой этого броска, повисший на кольце, легко спрыгнул на землю.

— Вот это да!

И куда только делся тот, кто минуту назад ворчал, что этим выпускникам нет дела до учёбы? Мой сонбэ, придя в неопиcуемый восторг, распахнул окно настежь и громко закричал. Он был из тех, кто, делая вид, что ему всё равно, на самом деле с головой уходил в спортивные состязания. Он и в колледже был таким же, и я украдкой улыбнулся, видя, как он всё так же азартно суетится.

— Классный бросок. Кто это был?

— А кто же ещё? Тхэ Сон.

Расстояние от учительской до площадки было приличным, и разглядеть кого-то было сложно. Да и я, честно говоря, всё равно пока не научился сопоставлять имена и лица.

Поэтому я подумал, что не узнал бы его, даже стоя вплотную. Но стоило прозвучать этому имени, как в памяти тут же возникло одно лицо.

«А, он».

Парень со светло-каштановыми волосами, который всегда был выше всех, что стоя, что сидя. Аккуратный почерк, что выводили его длинные, тонкие пальцы. Мягкий, но отчётливый голос, в котором не было и намёка на спешку. И эти тёмные глаза непостижимой глубины.

В нём всё было на своих местах.

— Ну, по крайней мере, у 5-го класса есть Тхэ Сон, так что у них дела не так плохи?

— Это точно. Он им средний балл вытянет.

— Сто процентов. Благодаря нашему Тхэ Сону с ними управляться гораздо легче.

В отличие от меня, который едва мог вспомнить его внешность, в голосах учителей звучала непоколебимая уверенность в этом ученике.

— Эх, какая жалость. Не будь он таким умным, его бы давно забрали в профессиональный баскетбол, — проворчал физрук Пак, куратор команды.

— Ого. Тогда мне потом придётся брать у него интервью, да? — шутливо подхватил мой сонбэ,

— С выпускным альбомом в руках: «Мой последний учитель в старшей школе...»

— Да мы ещё радоваться должны, если он потом не вернётся сюда председателем совета

директоров.

— Так это правда, что он его внук?

— А вы не знали, учитель Кан?

— Учитель Кан ведь только в этом году к нам перевёлся? В прошлом году все только и говорили, что внук председателя возвращается на второй год обучения.

— Ого. Правда? Не знала.

С упоминанием председателя голоса мгновенно стихли, а тон стал заговорщицким.

— По-моему, это лишь вопрос времени. Он же единственный внук, как ему может всё не достаться?

— А наследовать там, должно быть, есть что, да? Семья председателя — шишки в образовательных кругах.

— Неудивительно. К нам ни одна проверка не заглядывала. Теперь понятно почему, да?

Я молча слушал, как их голоса постепенно переходят на шёпот. Мне было нечего добавить, да и, по правде говоря, не очень и хотелось.

Через несколько месяцев меня здесь уже не будет. Мой контракт со школой был заключён всего на девять месяцев, так что даже с учётом каникул отведённое мне время не дотягивало и до двух семестров.

Поэтому всё это меня не касалось, и я не должен был об этом беспокоиться.

— Кстати, раз уж зашла речь. Кто-нибудь знает, почему он вдруг вернулся в Корею?

— Ну, я ничего такого не слышала.

— Просто это так странно. Внезапно вернулся, даже не в начале учебного года. И именно в нашу школу.

— Вот-вот. Разве такие семьи не идут по проторенной дорожке элитных школ?

— Определённо странно, правда? Кажется, никто из учителей не знает точной причины. Говорят, информация обрывается на уровне директора...

— Да какая разница? Благодаря ему у нас теперь новенький корпус, так что нам же лучше, верно?

Чтобы жизнь складывалась так, как ты хочешь, — об этом мечтает каждый, не только я.

Казалось, всё то, чем обладал У Тхэ Сон, давало ему право выбирать любую жизнь, какую он только пожелает. Словно ему говорили: «Хочешь и это? Бери».

Может, Бог был в особенно хорошем настроении, когда создавал его? Казалось, Он вложил в руки этого парня всё, что только мог дать. Он, наверное, и не знает того чувства нехватки, с которым живут его ровесники.

— Мир и вправду несправедлив, да?

— И не говорите. Хоть бы что-то одно мне отдали!

Моё сердце, которое я, казалось, уже успокоил, ёкнуло от неожиданных слов учителя Кан. Хоть я и понимал, что это невозможно, я испугался, словно мои постыдные мысли вдруг стали всем известны.

Я подумал, что из всего этого множества было бы неплохо иметь хотя бы что-то одно. Прославленную семью, огромное состояние, которое за этим последует, высокий рост и привлекательную внешность, талант, который не делал различий между учёбой и спортом.

И семью.

Неудивительно, что я вспомнил звонок, который застал меня по дороге домой несколько дней назад. Я как раз устало открывал входную дверь, когда в кармане зазвонил телефон.

— Алло, тётя.

Увидев на экране знакомый номер, я зажал телефон плечом и принялся снимать обувь.

— У тебя всё хорошо?

Тётя всегда начинала с этого вопроса. И каждый раз за этой первой фразой я будто слышал другой, настоящий голос тёти — тот, которого я никогда не слышал на самом деле.

«Скажи, что у тебя всё хорошо, Джэ Юн».

Её голос, до жалости тонкий, наверняка хотел спросить именно об этом. Лишь несколько лет назад до меня дошло, что её дежурные вопросы о моей жизни — это не вопросы, на которые ждут честного ответа.

— Да, у меня всё хорошо. А как у вас подготовка к свадьбе, тётя?

В какой-то момент я тоже научился давать ей те ответы, которые она хотела услышать, а не правду. Стоило мне сказать, что у меня всё в порядке, и тётя заметно успокаивалась.

— Ага, мы решили обойтись без церемонии. И для него, и для меня это второй брак. Просто проведём скромную мессу в церкви.

— Поздравляю, тётя.

— Джэ Юн, когда, ты говоришь, вышел на работу?

— Чуть больше месяца назад.

— Боже, что с моей памятью. Уже столько времени прошло? Неужели я так давно тебе не звонила? Прости, тётя в последнее время совсем закрутилась.

Последний раз мы говорили в прошлом месяце. Ничего во мне с тех пор не изменилось, но она спрашивала о том же. И я отвечал почти то же самое.

— Работа не слишком тяжёлая? Хотя и по контракту, но это же школа, должно быть терпимо.

— Да. Всё хорошо. Не волнуйся, тётя.

— Вот и славно. Теперь, когда и у тебя, и у меня дела пошли на лад, я так счастлива, не передать словами. Бог определённо о нас заботится.

Я не собирался говорить ей, что чувствую себя покинутым. Да я, в общем-то, так и не чувствовал.

Моя тётя — хороший человек, и это никогда не изменится. Она всегда делала для меня всё, что было в её силах, и я это прекрасно чувствовал. Просто сейчас обстоятельства складывались не так легко, как раньше.

Я мог её понять. В свои тридцать с небольшим она семнадцать лет несла на себе эту ношу. Уже за одно это я был в неоплатном долгу перед ней, обязан был благодарить её до самой смерти и даже после.

— Ты поужинал?

Тётя была моей единственной семьёй.

— Как раз собираюсь. А ты, тётя?

— Да, я уже поела. Что ж, приятного аппетита, Джэ Юн. Я позвоню.

— Да, береги себя.

Когда я наконец вынырнул из воспоминаний о том разговоре — тогда я, обессиленный, рухнул на диван и, не найдя сил даже включить свет, погрузился в темноту, — до меня донёлся самый громкий за последнее время радостный крик.

Это была не пятница, когда я ворочался в постели от необъяснимой пустоты, а обычный вторник в обеденный перерыв.

Я проследил за взглядами коллег и снова посмотрел в окно. Ученики с ликованием окружали кого-то одного. Видимо, игра закончилась победным очком.

Я подумал о парне, который стоял в центре этого праздника жизни. И, кажется, на одно лишь мгновение я тоже... просто позавидовал.

Переводчик и редактор — Rudiment

<http://bllate.org/book/14794/1318942>